

Русский язык и литература
УДК 821.161.1.09-31+929 Гоголь
DOI <https://doi.org/10.32841/2409-1154.2019.39.1.11>

*Павельева А. К.,
доцент кафедры иностранной филологии и перевода
Полтавского национального технического
университета имени Юрия Кондратюка*

**«НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ» Н. В. ГОГОЛЯ: К ПРОБЛЕМЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Анотація. У статті розглядаються категорії художнього часу, художнього простору та хронотопу у їх взаємозв'язку із сюжетною основою та характеристиками повісті М. В. Гоголя «Ніч перед Різдвом». Особлива увага приділяється ключовим хронотопічним орієнтирам твору, які надають оповіді хронікально-побутового характеру – календарному та добовому часу ночі напередодні Різдва та конкретному географічному простору – Диканьці. Особливу роль у даному творі відіграє соціально-історичний хронотоп, який знайшов втілення в епізодах перебування козаків у царському палаці. Сакральний час передріздвяної ночі є передумовою розгортання фантастичного хронотопу. Досліджується «опобутовлення» фантастичного простору та його злиття із реальним простором у гоголівській повісті, в основі якого лежить карнавальне начало. Особливу функцію виконує мотив сну, «розділяючи» побутовий і фантастичний час і простір у творі. Автор статті аналізує «гру» нечисті (чорта та Пацюка) із простором – обмежені у часі просторові деформації, «розтягування» та «звуження» простору. Крім того, розглядаються паралельні простори, які використовуються автором для одночасного змалювання картин побутового життя та

фантастичних випадків, які відбуваються в один і той же сюжетний час. Відзначаються особливості сприйняття простору героями твору та переміщення героїв повісті у просторі. У статті також досліджується просторова опозиція «верх-низ», а саме земний, побутовий простір людей та небесний простір, що належить духам та нечистій силі. Останній розглядається як фантастичний простір, про що свідчить його «завуальованість» – зображення через марево сріблястого туману. Автор статті також аналізує ще одну просторову опозицію – «свій-чужий» простір, який уособлюється в топосах Диканьки та Петербургу, та сакральний простір церкви, у якому в кінці повісті на Різдво зустрічаються усі герої твору. Просторові уявлення про рухоме та нерухоме знаходять своє втілення в образі пузатого Пацюка, так само як і біографічний час виступає у повісті мірилом руху. Доводиться, що художній час у повісті М. В. Гоголя – замкнений, адже має і абсолютний початок, і абсолютний кінець, тобто, завершення сюжету.

Ключові слова: хронотоп, художній час, художній простір, локус, топос, просторова опозиція, просторові деформації, карнавалізація, мотив сну.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями. Проблема определения и исследования категорий художественного времени, художественного пространства и хронотопа в литературном произведении продолжает оставаться актуальной теоретической проблемой. К ней обращались многие известные литературоведы. Например, П. А. Флоренский в книге «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях», М. М. Бахтин в работах «Автор и герой в эстетической деятельности» и «Формы времени и хронотопа в романе». О художественном времени и пространстве писали также Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, М. И. Стеблин-Каменский, В. Н. Топоров, А. М. Пятигорский, С. А. Бабушкина, А. Б. Ботникова, Н. К. Гей, Д. С. Лихачёв, Ю. М. Лотман, Н. А. Познякова, Н. Ф. Ржевская, Н. Г. Сивохина, З. Я. Тураева и др. При этом сфера исследований

хронотопической основы и пространственно-временной картины мира литературных произведений продолжает развиваться и пополняться новой терминологией и классификациями. Следовательно, изучение этих литературоведческих категорий чрезвычайно актуально в контексте исследования творчества любого автора.

Таким образом, чрезвычайно важным нам представляется исследование особенностей художественного времени и пространства в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», в анализе их взаимосвязи, в обнаружении характерных приемов создания временных и пространственных образов в первых гоголевских повестях.

Анализ последних исследований и публикаций по данной теме, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья. Категории художественного времени и художественного пространства в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» в разных аспектах рассматривались в работах М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Ю. В. Манна, М. А. Новиковой, В. И. Мацапуры, О. С. Карандашовой, В. О. Коркишко, И. И. Меркуловой, В. В. Любецкой, однако нам не удалось обнаружить отдельных исследований, посвященных этим литературоведческим категориям в гоголевской повести о приключениях кузнеца Вакулы.

Формулирование целей статьи (постановка задачи). Целью нашей статьи является анализ разных форм реализации художественного времени, художественного пространства, хронотопов и сопряжённых с ними мотивов в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (как по отдельности, так и в тесной взаимосвязи).

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Художественное время и пространство в повести «Ночь перед Рождеством» активно влияют на суть изображаемого. Прежде всего это конкретное календарное и суточное время – ночь накануне Рождества, и конкретное географическое пространство – Диканька. Время от времени автор упоминает Полтаву, Миргород, Нежин, что придает повествованию хроникально-

бытовой характер. Бытовое, реальное пространство совершенно органично сливается с фантастическим, можно даже сказать, поглощает его. Ведьма, крадущая звезды с диканьского неба и «просто черт» – ничем непримечательные обыватели. Так, Оксана говорит Вакуле: «Вы все мастера подъезжать к нам», и чёрт «подъехал» к Солохе «мелким бесом». Наблюдать ведьму и чёрта на просторах Диканьки так естественно, демоническое настолько обытовляется в этом произведении, что назвать пространство в повести фантастическим можно с натяжкой. Оно по-гоголевски бытовое, по-диканьски реальное.

Играть с пространством в Диканьке для черта – дело привычное. Нечистый «портил» пространство: «поднимал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину», украл месяц. И всё это для того, чтобы помешать Вакуле дописать картину и увидаться с Оксаной. Эти игры ограничены художественным временем повести, ведь чёрту «последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу» [3, с. 82]. Укрыв месяц, чёрт деформирует пространство, расширяет и удлиняет его. В результате этого дорога в темноте кажется длиннее, да и заблудиться легче. Он также создает пространственные препятствия, скрывающие от путников дорогу, например метель. Примечательно, что такие погодные условия имеют мифологический подтекст. Издавна считалось, что метель – это свадьба черта с ведьмой. Не случайно в гоголевской повести диканьский чёрт, подняв снеговой вихрь, вернулся к Солохе, своей метафорической невесте.

Пацюк также играет с пространством: неприметно для кузнеца заменяет миску с галушками на миски с варениками и со сметаной, заставляет вареники выскакивать из миски, обмакиваться в сметане и запрыгивать ему в рот. Ткач, увидев Чуба в мешке, сказал, что тут «не обошлось без нечистой силы», так как Чуб «не пролезет в окошко» (подразумевается, что нечистый деформировал пространство для того, чтобы «бросить» дюжего мужика в мешок). Чёрт мгновенно переносит Вакулу из царского дворца за шлагбаум и очень быстро доставляет обратно в Диканьку.

Бесовские игры с пространством изменяют и художественное время повести, направив всех ухажеров Солохи, званных на кутью к дьяку, в её дом. Солоха «этот вечер, однако ж, думала провести одна», но «всё пошло иначе».

В основе изображения фантастически-бытового пространства Диканьки лежит карнавальное начало. Так, Чуб прикидывается колядовальщиком, Солоха прячет своих ухажеров в мешках, Вакула не слышит шипения Чуба и икания головы, чёрт в мешке принят за инструмент, Чуб – за кабана, дьяк – за поросенка, а кузнец в Петербурге переодевается в запорожца.

Для полноты картины автор изображает параллельные пространства. В то время, как черт любезничает с Солохой, Чуб с кумом решают, идти ли им к дьяку или остаться дома, а Вакула наблюдает за прихорашивающейся Оксаной. Пока Чуб шёл к Солохе, чёрт нежился у нее дома, кум Чуба сидел в шинке, а Оксана насмеялась над Вакулой, требуя достать ей царицыны черевички. Когда кузнец летел на чёрте в Петербург, Оксана с «дивчатами» побежала домой за санками, Чуб, дьяк и голова лежали в мешках, кум Чуба вышел из шинка и как раз набрёл на эти мешки и т.д. Метель, поднятая чёртом, сталкивает всех поклонников Солохи в одно время и на одном пространстве – в её хате. Так и в конце повести почти все герои снова встречаются в пределах одного пространства – в церкви.

Часто эти пространства соединены и вместе с тем разделены такими фразами, как «в то время, когда...», «но в то самое время, когда...», «между тем». Таким образом автор рисует разные картины бытовой жизни и фантастических происшествий, происходящих в одно и то же сюжетное время.

В зависимости от цели пути, пространство воспринимается героями по-разному. Так, дворянин, ехавший в шинок, делал большой крюк, чтобы заехать к Солохе, и «называл это – заходить по дороге». Преодолевать путь к дьяку Чубу лень, но он с готовностью топает к ведьме. «Приятность, ожидавшая его впереди при свидании с Солохой, умаливала немного боль и делала нечувствительным и самый мороз...»

[3, с. 91]. А Вакула же, вспомнив про голодную кутью, не захотел дольше оставаться в нечистом пространстве хаты Пацюка и выбежал оттуда.

Степенные казаки перемещаются в пространстве лениво: Чуб не хочет пройти и сотню шагов до своей хаты, а парубки и «дивчата» перемещаются быстро и задорно: они, «казалось, всю ночь напролет готовы были повеселиться».

Примечательно, что небесное пространство, в отличие от повестей «Сорочинская ярмарка» и «Вечер накануне Ивана Купала» находится недалеко от земного, бытового. Это уже не «неизмеримый океан», а обывовлённое пространство, доступное нечисти, духам и кузнецу. Вакула даже чуть не зацепил ночное светило шапкой. Небесная сфера в этой повести принадлежит целиком и полностью нечистой силе – чертям, духам, колдунам, ведьмам. То, что это фантастическое пространство, подтверждается его завуалированностью: воздух был «в лёгком серебряном тумане». Аналогично, в повести «Майская ночь, или утопленница» Левко видел заброшенный дом, «сотникивну», утопленниц и ведьму сквозь «серебряный туман».

Петербург – это иное пространство. Перелетев через шлагбаум, то есть преодолев границу города, черту пришлось оборотиться в коня. «Чужое» пространство Петербурга приобретает в глазах Вакулы фантастические формы. Кузнецу кажется, что «дома росли и будто подымались из земли на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали» [3, с. 104].

Особая роль в повести отводится очищающему пространству церкви, где на Рождество собирается вся Диканька, сливаясь в благоговейном единстве. То, что событийность повести заканчивается именно в сакральном пространстве церкви имеет особый подтекст: читатель понимает, что для кузнеца Вакулы его знакомство с нечистью закончилось благополучно и не имеет необратимых последствий, как, например, для Петруся из «Вечере накануне Ивана Купала» или Хомы Брута из «Вия».

Картины, нарисованные Вакулой – это косвенное изображенное сказочного пространства, где добро побеждает и наказывает зло.

Следует отметить в этой повести такие пространственные оппозиции, как «своё-чужое»: Диканька – Петербург, чёрт был похож на немца, а Пацюк сидел по-турецки. Увидев огромные мешки, брошенные Вакулой, «дивчата» замечают, что кузнец «не по-нашему наколядовал». Необычная дверная ручка во дворце кажется Вакуле изделием немецких кузнецов. Общеизвестно, что все иностранное в народе считалось бесовским, дьявольским, в первую очередь демоническим считалось все немецкое и турецкое.

Сакральное время предрождественской ночи предвещает разворачивание такого же фантастического хронотопа. В эту мистическую ночь поклонники Солохи узнают друг о друге, Оксана влюбляется в кузнеца, а в Петербурге решается судьба Запорожской Сечи.

Представления о движении и неподвижности своеобразно отражаются в данной повести в образе Пузатого Пацюка. Этот запорожец поселился в Диканьке «давно уже, лет десять, а может, и пятнадцать» назад, и с каждым годом двигался все меньше, теперь же он и вовсе не выходил из хаты, и «миряне должны были отправляться к нему сами, если имели в нем нужду». Биографическое время также выступает мериллом движения. Так, «парубки» и «дивчата» носились по Диканьке, «как вихорь», казаки (их родители) были поленивее и предпочитали оставаться в хате, а старики и вовсе не выходили на улицу, даже в такую чудную ночь.

Примечательно, что, когда все ведьмины ухажеры были освобождены из мешков, автор замечает, что «на дворе, верно, есть час девятый». В это время кузнец летел на чёрте в Петербург, а вернулся он как раз к крику петуха, то есть, около часу ночи. Путешествие в Петербург заняло у Вакулы всего 4 часа.

В повести «Ночь перед Рождеством» особую функцию выполняет мотив сна. Сон разграничивает бытовое и фантастическое время и пространство. Пройдя через сон, герой «очищается» от греховности.

Художественное время в произведении – замкнутое. Оно имеет и абсолютное начало, и абсолютный конец, то есть, завершение сюжета. Фабульное время не только

завершается победой героя над злом и удачным сватовством. Автор показывает эпизод из будущего – счастливую Оксану с ребенком на руках у красиво разрисованной хаты.

Особую роль в этой повести играет социально-исторический хронотоп, который находит явное выражение в эпизодах пребывания казаков в царском дворце. Черты историзма нарисованной Гоголем картине придают образы Екатерины II, Потёмкина и Фонвизина, присутствовавших на этой «встрече».

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших изысканий в этом направлении. Итак, важными структурными элементами повести «Ночь перед Рождеством» являются географическое, реальное и фантастически-бытовое пространство; календарное, суточное, сакральное время; пространственные деформации и «игры нечистого с пространством; пространственная оппозиция «своё/чужое»; пространство (локус) дома (как «убежища лени» для степенных казаков), микролокус печки (локуса, через который черт и ведьма проникают в дом), локус шинка (непременного атрибута гоголевских повестей, в котором пропадает кум Чуба), мотив окна (через которое колядовальщикам выдают угощения), карнавальные элементы: развертывание событий на сельской улице (где веселятся парубки и девчата), обыгрывание ситуации с мешком (убежищем застигнутых врасплох любовников), лестницы (с социальным подтекстом – простой кузней поднимается по ней к царице), локус сеней («поле битвы» ткача и кума с кумовой женой).

Художественное время, художественное пространство, топосы и локусы в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» в разных аспектах могут стать объектом дальнейших теоретических и практических исследований, как посвященных проблеме пространственно-временной организации литературного произведения, так и таковых, направленных на исследование указанных категорий в творчестве Н. В. Гоголя.

Литература:

1. Время, и пространство в литературе. Введение в литературоведение : учебник для филол. спец. ун-тов / Г. Н. Пospelов, и др. ; под ред. Г. Н. Пospelова. 2–е изд., доп. М. : Высш. шк., 1983. 327 с.

2. Гей Н. К. Поэтическое время и пространство. *Художественность литературы. Поэтика. Стыль*. М. : Наука, 1975. С. 252 – 282.

3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. Т. 1. Ганц Кюхельгартен ; Вечера на хуторе близ Диканьки / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937 – 1952. 556 с.

4. Карандашова О. С. Художественное пространство «украинских» сборников Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») : автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук : 10.01.01. Тверь, 2000. 20 с.

5. Мацапура В. И. Н. В. Гоголь : художественный мир сквозь призму поэтики. Полтава : Полтав. літератор, 2009. 304 с.

6. Павельева А. К. Пространственно-временная структура повести Н.В. Гоголя «Пропавшая грамота». *Наукові записки Національного університету «Острозька академія» : серія «Філологія»*. Острог : Вид-во НаУОА, 2018. Вип. 3 (71), вересень. С. 108 – 110.

7. Художественное пространство «Страшной мести» URL : http://www.zheltu-dom.narod.ru/literature/txt/str_mest_jr.htm (дата звернення 19.05.2019).

Pavelieva A. K. “Christmas Eve” by Nikolai Vasilievich Gogol: to the question of literary time and literary space.

Summary. The article deals with the categories of literary time, literary space and chronotope in their interrelationship with the plot background and characters of short-story by Nikolai Gogol “Christmas Eve” – the first story in the second volume of the collection “Evenings on a Farm Near Dikanka”. Particular attention is paid to the key chronotropical landmarks of the fictional work, which give the narration chronicle-everyday character – time of day and calendar time of Christmas Eve’s night and the specific geographical space

– Dikanka. Special role in this short-story is played by the socio-historical chronotope, which was embodied in the episodes of the Cossacks' sojourn in the royal palace. Sacral time of the night before Christmas is the prerequisite for unwinding of the fantastic chronotope. The article examines the so-called “domestication” of the fantastic space and its mixing with the real space, based on the carnival principle, in the Gogol's story. The sleep motive plays a pivotal role, “dividing” the household and fantastic time and space in the literary writing. The article writer analyzes the “play” evil spirits (the devil and Patsyuk) with space – limited in time spatial deformations, “stretching” and “narrowing” of space. In addition, in this academic paper we have also considered parallel spaces, used by the author to simultaneously depict scenes of everyday life and fantastic incidents that take place at the same plot time. In this entry we as well distinguished features of space perception by the characters and spatial movements of these characters. The article also explores the spatial opposition “top-down”, namely, the terrestrial space/living space of people and the aether belonging to spirits and unclean forces. The author of the article also analyzes another spatial opposition – the “friend/foe” space, which is embodied in the toposes of Dikanka and St. Petersburg, and the sacred church space, in which all the characters meet at Christmas at the end of the short-story. The latter is analyzed as fantastic space, as evidenced by its “veiled” consistency – the view given through the boiling mirage of silver fog. Spatial representations of moving and motionless are embodied in the image of Puzaty Patsyuk, as well as biographical time in the short-story acts as the measure of motion. It has been proved in the article that literary time in the short-story by Nikolai Gogol “Christmas Eve” is secluded, because it has either absolute beginning, or absolute end, that is, the completion of the plot.

Key words: chronotope, literary time, literary space, locus, topos, spatial opposition, spatial deformations, carnivalization, sleep motive.